

БЕСЯ

*ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ВАЖНО ВИДЕТЬ В ДЕТЯХ
ТОЛЬКО ХОРОШЕЕ*

Беся – это прозвище Тани Берстневой. У нас у всех девочек такие прозвища, образованные от фамилий. Но Танино самое удачное. Оно к ней очень подходит. Действительно, в ней бес сидит! А бес женского рода – это Беся!

Хотя сразу никогда не подумаешь, что она такая Беся. На вид Таня не ребёнок, а ангел. Пышные пушистые вьющиеся блестящие каштановые волосы, как у дорогой куклы. Умильное смазливое личико, очень детское. Глазки-шоколадки с длинными ресницами, тоже как у куклы. Вся такая мягонькая, хорошенькая. Таких детей раньше любили избражать рядом с вождями мирового пролетариата – Лениным, Сталиным.

Но Танина внешность – коварнейший обман. Это не лицо, а личина. А под ней – Беся!

Первый урок – русский язык. Своего кабинета у нас ещё нет, занимаемся, где придется. Где-то парт больше, где-то меньше. В одном классе шесть столов в ряду у окна, в другом – пять, в третьем – вообще четыре. Ничего, везде как-то размещаемся.

Таня обычно является на первый урок со звонком. Вот и на этот раз: все уже стоят, звонок звенит вовсю – она вошла, ни на кого не глядя и не здороваясь, чёткой походкой проследовала ко второй парте... Увы! Место занято. В этом кабинете в ряду у двери на одну парту меньше, чем положено. И за второй партой – Инга Бельчикова

Вадим Слуцкий,
*педагог и писатель,
г. Петрозаводск*

**Нельзя работать
с ребёнком, если
он тебе не нравится.
И этому нужно учиться!
Это должно стать
привычкой, которую
даже и не преодолеть:
и захочешь увидеть
в детях плохое –
не сможешь,
не получится.**

и Наташа Дулова, которым полагается быть за третьей.

Класс садится. Таня шипит, как змея:

– Пшла отсюда! Это моё место!

Инга молча, с недоумением, смотрит на неё: Инга очень интеллигентная девочка. Зато её соседка и подруга Наташа Дулова – Дулуся – излишней интеллигентностью не страдает. Поэтому она довольно громко осведомляется:

– Беся, ты чё? Плохо спала? Протри глазки – у нас русский!

Таня со страшной злобой смотрит на неё и начинает стремительно краснеть – раскаляться. Ничего не придумав, она грохает свою сумку на парту и дёргает Ингу за руку.

– Таня! – говорю я. – Может быть, ты всё-таки куда-нибудь сядешь? Урок начался...

– Это моё место!

– Бесенька, ты сбесилась, ей-богу... Вадим Ильич, она сбесилась...

– Наташа, помолчи... Таня, сядь на свободное место!

– Не сяду! Я в этом кабинете всегда здесь сижу!!

Говорится это тоном классической мегеры и даже с хрипотцой, правда, детским голосом; лицо у нее красное, перекошенное от злобы – какой уж там ангел! Личина упала, и из-под неё показался истинный лик!

Она хватается учебники тетрадку Инги и сбрасывает их на пол. Инга встает, Таня явно истолковывает

её движение неправильно: Инга гораздо крупнее и сильнее неё. Но Инга просто отходит и становится у стены: на лице – нескрываемое отвращение.

Таня усаживается с торжествующим видом, открывает свою сумку – так, словно у нее там знамя, которое она сейчас водрузит на своей парте, – достает учебник, тетрадки. Но тут уже не выдерживаю я:

– Встань!

Она встаёт очень неохотно, лицо как у маленького злобного зверька, в глаза не смотрит. В классе, где кое-кто хихикал, повисает напряжённая тишина.

– Подними вещи Инги и сядь за свободную парту!

– Не подыму! Чего я должна поднимать вещи этой...

– Молчать! Сейчас же пересядь – или выйди за дверь!

Она бросает книжки обратно в сумку, выбегает и изо всех сил бухает дверью, так что со стены срысывается и падает кусок штукатурки.

Подытоживает эпизод Наташа, уже подбравшая с полу вещи подруги:

– Ну, я же сказала – сбесилась! Беся – она и есть Беся... Бельчуща, да садись ты! Не обращай внимания на эту... припадочную!

Милое дитя, не правда ли?

Почему в Тане сидит Беся? Причина самая банальная: её довольно молодые родители давно разошлись, но оба питают к своему чаду сильное чувство (назвать его я затрудняюсь). Они её

жаждут видеть как можно чаще у себя и всячески друг у друга переманивают. Между собой эти симпатичные люди не общаются. И Таня научилась использовать эту ситуацию. Тем более что в «перетягивании ребёнка» участвуют и бабушки с дедушками. Шестеро взрослых – на одно чадо! Попробуй ей не угоди – она тут же – фр! – и обиделась, и закатила скандал, и сбежала: от папы к маме, от мамы к папе. А кроме того, и мама её – весьма красивая женщина – тоже отличается крайней несдержанностью и эмоциональностью: Таня на неё похожа.

Как-то я её спросил: «Таня, ты у кого сейчас живешь?» Так она задумалась: не могла сразу вспомнить!

Отец её, кроме того, весьма небедный человек и для него всячески ублажать дочь – своего рода самоутверждение. Он этим как бы говорит своей бывшей супруге: вот, мол, смотри, ты это можешь купить ребёнку? Черта с два! А я могу!

Началось всё это давно. В результате имеем вот такое исчадие ада. В спокойном состоянии она, правда, ребёнок как ребёнок. Но чуть что не по ней – кого угодно убить готова. Как?! МОИ ЖЕЛАНИЯ не исполняются?!!

Ко всему она ещё чрезмерно самолюбива, а притом с ленцой: хочет получать хорошие отметки, выделяться, но не желает систематически трудиться; притом страшно эгоистична, лжива, хи-

трыга, ни с кем не дружит. Жуткая девчонка!

Ничего хорошего я в ней не видел, держал себя с ней довольно деспотично и предельно жестко. Но результата это не давало, более того, становилось хуже. Она всё небрежнее училась, всё чаще скандалила. Как она относилась ко мне, догадаться нетрудно; в классе её не любили.

Что-то надо было делать, что-то менять. Но что?

Как-то после очередной разборки с Таней я проходил мимо зеркала и случайно взглянул на себя. И был поражён. Я увидел в себе отражение Беси! Что-то мрачное, раздражённое, злое. Не помню, видел ли я себя ещё когда-нибудь таким.

Кончились уроки, я сидел в пустом классе в глубокой задумчивости. Нельзя, ни в коем случае нельзя такого допускать: ведь меня таким видят все дети.

И я впервые сказал себе: Таня в чем-то очень сильный человек. Во всяком случае, сильнее меня! Да, да! Нелегко себе в этом признаться, но это так. Она очень сильна эмоционально, вот только её эмоции, по большей части, отрицательные – раздражение, злоба, ненависть. Но она ими заражает окружающих, тех, кто эмоционально слабее неё: заражает меня!

Так кто же тут на кого влияет? Я на неё или она на меня?

Мне было очень стыдно.

Я вдруг подумал, что за полтора года работы с Таней впервые нашёл и отметил в ней что-то хорошее, какое-то её сильное качество. Ведь быть ярко эмоциональным человеком – это достоинство, это сила. Другое дело – на что её использовать.

Сила – это возможность. Больше сил – больше возможностей. Это средство – не цель.

Значит, моя задача – употребить это средство для достижения какой-то полезной цели. А я этого не сделал.

А есть ли у неё ещё какие-то достоинства? Есть! Она довольно умна. Она не трусиха. Меня, например, она совсем не боится, хотя некоторые другие дети весьма и весьма побаиваются. Она всегда говорит то, что думает: хотя легко может намеренно солгать ради собственной выгоды, но к самому страшному виду лжи – самообману – не склонна. Она искренна в выражении своих мыслей и чувств.

Почему я так долго всего этого не замечал? Может быть, я намеренно скрывал это всё от себя? Потому что сугубо отрицательное мнение о Тане как бы оправдывало мою к ней неприязнь, мои ошибки, то, в чем я был неправ по отношению к ней?

А то, что есть в ней плохого, – разве в этом её вина? Разве это не своего рода болезнь, а скандалы и пр. – симптомы, проявления этой болезни? Но тогда она просто несчастный ребёнок, искале-

ченный взрослыми – она достойна жалости. Почему же я никогда её не жалел?

* * *

Прошло два года.

Как-то мы проводили вечер к 8 Марта в квартире Саши Гуляевой. Квартира у них новая: комнаты маленькие, зато коридор большой, квадратный и совершенно пустой: кроме зеркала и вешалки ничего там нет. Так что дансинг у нас был в коридоре.

Таня любит танцевать, но физически она слабенькая. После танца, пока нет музыки, она садится прямо на ковёр (больше там сидеть негде) – отдыхает. Как-то она так села рядом со мной. У неё необычайно красивые пушистые волосы: я невольно положил руку ей на голову, стал гладить – они мягкие-мягкие и теплые. Ей это очень понравилось.

Таня из тех детей, отношение к которым легче всего передать через физическое прикосновение. Есть дети, которые этого не выносят. Но есть и такие, которым это нужно, им это нравится. Если к ним не прикасаться, им кажется, что их не любят, плохо к ним относятся. Вот она такая.

А первые годы работы с ними я к Тане не то что не притрагивался, старался на неё и смотреть-то пореже. Но то время прошло.

Я давно уже не то что стараюсь, нет – это вышло как-то само собой: просто я стал видеть в Тане, в основном, хорошее. Она стала

мне симпатична. Оказывается, на нее нельзя кричать, даже сердиться: она к этому необычайно чувствительна и отвечает всегда агрессивно. Она в каждом взрослом бессознательно ищет отца и мать – Настоящих Отца и Мать, которых у неё нет – и, разочаровываясь, мстит. Но мне она больше не мстит.

У меня на уроках больше не появляется Беся, теперь это только Таня. В общем, ребёнок как ребёнок.

Она стала чуть лучше учиться. Чуть-чуть.

Нет, я не заблуждаюсь на её счет: я знаю, она очень мало изменилась, она довольно плохой человек и, наверное, будет такой всю жизнь. Но не в моих силах тут что-то изменить.

Хорошо было Макаренко: его воспитанники были в полной его власти, почти все они, сироты, видели в «завколе» не столько педагога, сколько отца. А у меня-то дети из семей: как считал тот же Макаренко, они-то самые трудные.

Но, что мог, я сделал. Отношения с Таней у меня теперь хорошие. Разве позволила бы Беся себя гладить? Небось, укусила бы!

* * *

С тех пор прошло больше десяти лет. Я очень изменился за эти годы, могу сказать, в лучшую сторону. Во всяком случае, в одном определённом отношении: у меня появилась привычка **ВИДЕТЬ В СВОИХ ДЕТЯХ, В ОСНОВНОМ,**

ХОРОШЕЕ. Это не сознательное убеждение, а именно привычка, бессознательная потребность, но не врождённая, а благоприобретённая.

Иной раз в учительской обсуждают какого-нибудь хулигана, спросят: «Вадим Ильич, а как он у вас?» Я начинаю совершенно искренне восхищаться этим ребёнком: он такой умный, такой живой – чудный мальчик! Учителя скептически улыбаются: вас о ком ни спроси, у вас все хорошие, Вадим Ильич!

А что, действительно: все хорошие! Это ведь так и есть на самом деле. Чем же я тут виноват? Я только констатирую факты.

Сейчас я убеждён: нельзя работать с ребёнком, **ЕСЛИ ОН ТЕБЕ НЕ ПРАВИТСЯ.** И этому **НУЖНО УЧИТЬСЯ!** Это должно стать привычкой, которую даже и не преодолеть: и захочешь увидеть в детях плохое – не сможешь, не получится!

Если есть в классе хоть один ученик, который тебе явно неприятен, который тебя раздражает, и ты ничего не можешь с этим поделать – значит, нужно уходить. Отдать этот класс кому-то другому. Защитить ребёнка от себя.

Но мне этого делать не приходится, потому что мне на самом деле **АБСОЛЮТНО ВСЕ МОИ УЧЕНИКИ ПРАВЯТСЯ.** Так было не всегда: это так в последние годы.

А научила меня этому моя Таня – моя дорогая Бесенька.

